

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье анализируются обстоятельства, приведшие к тому, что исламский радикализм стал выступать в качестве альтернативы негативным явлениям процесса глобализации. Такая парадоксальная, на первый взгляд, ситуация вовсе не случайна. Страны исламского мира к такому шагу подвиг целый ряд причин политического, идеологического, демографического и, в особенности, экономического характера. К последним причинам следует отнести все более увеличивающийся разрыв в экономическом развитии между богатыми странами Запада и бедными странами Востока, что приводит последние к "усугублению неравенства и удручающей нищете", а также росту недовольства и стимулирует поиски иного пути развития. Автор отмечает, что создаваемая исламистами альтернатива должна опираться на традиционные ценности, а главное – учитывать цивилизационную специфику, поэтому не случайно, что значение радикализованного ислама в качестве такой альтернативы постепенно увеличивается. Это можно объяснить и его значительной политизацией. Внимание в работе уделяется и тому, как связаны между собой экстремистские течения ислама и международные террористические структуры.

Глобализм, глобализация, антиглобализм – эти противоречивые слова уже настолько укоренились в нашем лексиконе, что мы порой и не задумываемся о времени появления их на свет. А между тем в научной среде мы можем столкнуться с различными, порой полярными точками зрения относительно времени возникновения этого явления: начиная с утверждения того, что "процесс глобализации, начавшийся задолго до второй мировой войны, носил объективный

характер, и страны втягивались в него вольно или невольно в силу конкретных обстоятельств" [8, с. 16] (однако он был прерван начавшейся мировой войной), и заканчивая тем, что процессы глобализации берут свое начало по окончании второй мировой войны и черпают свои силы из разворачивающегося научно-технического прогресса, причем заметный импульс они получают с распадом СССР.

Что же касается природы глобализации, то, по мнению российского ученого А.Ф. Федорова, она не есть явление, а лишь сумма процессов, которые затрагивают все аспекты нашей жизни – экономики, политики, безопасности, геополитики и т.д. Она в зависимости от тех или иных действий людей может иметь как созидательный, так и разрушительный характер. В настоящее время существует, по крайней мере, два диаметрально противоположных отношения к глобализации: как к безусловному и неотвратимому признаку прогресса и как к причине негативных социально-экономических явлений в жизни человечества [8, с. 17].

Оптимистические выводы о позитивных последствиях глобализации разделяют неолиберальные политологи. Они считают, что глобализация ведет к усилению взаимозависимости государств. При этом не только малые и слабые испытывают на себе влияние сильных и больших. Зависимость постепенно приобретает обоюдный характер. Такой процесс сможет сделать человечество настолько взаимозависимым, что оно избавится со временем от привычки решать противоречия с помощью насилия.

Действительно, ускорение глобализации, расширение демократии и сокращение угрозы ракетно-ядерного апокалипсиса открывает перед человечеством новые горизонты. Но эти процессы сопровождаются углублением имущественного неравенства, активизацией национализма, мимикрией войны и насилия к новым условиям, проявлением их в новой ипостаси внутренних конфликтов, международного терроризма и преступности, комплексно подпитывающих друг друга [4, с. 14].

Негативные явления процессов глобализации проявляются, прежде всего, в экономике стран третьего мира, а потом находят свой выход и в других сферах жизни общества. Прежде всего, речь здесь идет "об усугублении неравенства и удручающей нищете". Для подтверждения этого тезиса приведем лишь некоторые факты: если в 1960 г. разница в доходах между богатейшей пятой частью и беднейшей пятой частью земного шара составляла 30:1, то в 1997 г. она уже равнялась 74:1. При этом остается нерешенной и проблема огромной внешней задолженности развивающихся стран. Только у Африки она достигла 350 млрд долларов США [9, с. 54]. Жители стран "золотого миллиарда" обладают средним доходом порядка 50–80 долларов в день, а также соответствующим уровнем потребления и качеством жизни, а на другом полюсе почти 2,5 млрд человек, существующих на 1–2,5 доллара в день [8, с. 19–20].

Разумеется, глубокий разрыв между бедными и богатыми странами наличествовал и прежде, задолго до того как начали складываться глобализационные процессы. Новым был привнесенный глобализацией мощный социопсихологический фактор – эффект сравнения. Возможность сопоставить свой образ жизни со сложившимся в наиболее развитых государствах резко повысила ощущение обездоленности и угнетенности. Одновременно в массовом сознании стал более четко, чем прежде, складываться и образ виновника – богатых стран, жирующих за счет обобранного большинства жителей планеты.

Укреплению подобных представлений способствовало и такое последствие глобализации, как формирование в экономически отсталой части планеты слоя местной интеллигенции, экономически и социально более благополучной, но духовно открытой отмеченным выше настроениям. Безусловно, не все предста-

вители местной интеллигенции переходят на экстремистские позиции. Но ряды экстремистских организаций, в том числе террористических, пополняются главным образом за счет выходцев из этой среды [1, с. 67].

Именно исламский мир более других пострадал при глобализации и менее других получил позитивные изменения, поэтому глубже осознал свою специфику, особенность. Западная цивилизация неприемлема мусульманской общиной – уммой. Она рассматривает границы мусульманских государств как наследие колониализма, поэтому представления о том, что есть умма, целостная и неделимая, заставляет рассматривать исламское сопротивление не только как реакцию на глобализацию, но как *альтернативный вариант глобализации* (курсив наш. – Д.П.) [10, с. 12].

В тех же странах Востока, где была сделана попытка утвердить светскую государственную модель западного образца и провести социально-экономические преобразования без учета традиционной цивилизационной специфики, стереотипов политического развития и социальной психологии, начался структурный кризис. К концу 70-х гг. он охватил большую часть государств, освободившихся от колониальной зависимости после второй мировой войны. В мусульманском мире этот кризис сопровождается в большинстве стран кризисом политическим и усилением деятельности исламистов. Вот тогда-то со всей остротой встал вопрос не просто о выработке модели развития “третьего пути”, синтезирующего капитализм и социализм, Запад с Востоком, а альтернативной модели, основанной на традиционных ценностях, адаптированной к реалиям современного мира [5, с. 23].

О поиске идеологической альтернативы новому этапу развития капитализма – глобализму – в “среде ислама” говорит и тот факт, что некоторые исламистские партии делают заявления о возможности становления Корана как базы для создания бесклассового общества, где нет места социальному неравенству, то есть обществу, о котором мечтали марксисты [2, с. 156].

Сегодня общеизвестны две полярные реакции на последствия и издержки глобализации, с которыми столкнулось человечество в последние десятилетия: *анти* (точнее альтер- или ино-) *глобализм*, с одной стороны, и *религиозный фундаментализм*, с другой [1, с. 64].

Почему же когда мы говорим о фундаментализме, мы обязательно связываем его с исламом? Ведь религиозный фундаментализм не чужд ни одной конфессии, а болезнью экстремизма заражен не только исламский мир.

Немаловажно отметить, что XXI в. вообще характеризуется ростом религиозного экстремизма. Это не только мусульманская воинственность и экстремизм радикалов, это и американские фундаменталисты – евангелисты и протестанты [3, с. 80].

Но тем не менее в нынешних условиях говоря о фундаментализме, чаще всего имеют в виду течения внутри ислама. В значительной степени это объясняется и тем, что исламский фундаментализм представляет собой очень влиятельную и быстро растущую силу [1, с. 64-65].

Высокие темпы роста населения, характерные для стран Востока, также создают ряд неразрешимых проблем. При неразвитости экономической и социальной базы возникают так называемые “лишние” люди, которые даже при наличии определенного образования не могут найти занятие, соответствующее их социальным ожиданиям, и пополняют маргинальные слои. Последние являются средой, в которой экстремистские движения вербуют сторонников.

Существует несколько взаимосвязанных причин, которые привели к тому, что ислам в значительно радикализованном варианте получает возможность

оформиться и выступить в качестве реальной альтернативы процессам глобализации. Выделим лишь основные.

Во-первых, многие исламские страны и, соответственно, мусульманские общины числятся среди главных жертв глобализационных процессов. С особой силой это ощущается там, где нет амортизирующих прокладок в виде богатых нефтяных месторождений или других естественных ресурсов.

Во-вторых, в отличие от ряда других конфессий, ислам – не просто религия, но исторически укоренившийся образ жизни. В подобной ситуации глобализационные импульсы воспринимаются как покушение на религиозные постулаты. Соответственно, защита традиционных укладов приобретает религиозные формы. И чем сильнее потребность в такой защите, тем большее значение получают фундаментальные основы веры [1, с. 66].

В-третьих, поскольку глобализм – мировое явление, то создаваемая ему альтернатива должна также носить планетарный характер, для того чтобы успешно “конкурировать” с ним, а не оставаться лишь очередной утопией. Христианство в качестве такой альтернативы сразу отпадает, поскольку именно возникшей в его лоне протестантской этике Европа во многом обязана экономическим могуществом и доминированием в современном мире. Еще одна мировая религия – буддизм – достаточно удалена от мирской жизни. И лишь молодой и амбициозный ислам способен выступить в роли реальной альтернативы.

Амбициозность проявляется и в том, что ислам не только детально регламентирует взаимоотношения верующих друг с другом, но и отличается сильной политизацией, что формировалась исторически (еще с XVI в., когда султан Османской империи принял титул Халифа и совместил в своих руках высшую государственную (светскую) и высшую духовную власть).

Таким образом, исламские проповедники радикального толка, напоминая о великом и героическом прошлом всех мусульман и предлагая при этом пути его возрождения, то есть пути выхода из тяжелейшего кризиса, и используя при этом исключительно религиозную исламскую риторику, хорошо знакомую и понятную каждому верующему, находят горячий отклик в сердцах правоверных. А критика западного образа жизни с его абстрактными моделями развития (капитализм, коммунизм, социализм, глобализм и др.), который не принес исламской цивилизации практически ничего, за исключением массовой нищеты и голода, добавляет популярности исламистам.

Наиболее опасным, крайним проявлением фундаментализма выступает терроризм [1, с. 66]. В последние годы в наше сознание крепко вошло словосочетание международный терроризм, который, по словам Евгения Примакова, имеет окраску экстремистского ислама [7, с. 6]. Такое утверждение не случайно: все мы помним, кто взял на себя ответственность за взрывы 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, за зверства в Беслане и за десятки других громких терактов XXI в., а также мы хорошо помним, под какими “лозунгами” выступали люди, совершающие эти чудовищные поступки.

Однако особенностью современного терроризма является то, что в нынешних условиях многие теракты не сопровождаются политическими требованиями, потому что последние хорошо известны властям.

Именно глобализация породила международный терроризм, так как этот политический феномен дает адекватный, с точки зрения его приверженцев, ответ наступлению современности на позиции традиционного исламского мира и возвращает его к исходной чистоте догмы в ее наиболее ортодоксальном варианте. Фактически терроризм является частью проекта мирового переустройства, выдвинутого исламистами, их собственным планом глобализации, инструмен-

том, позволяющим добиться наибольшего результата с применением наименьших затрат [6, с. 57].

Сегодня очень часто мы можем слышать высказывания некоторых экспертов либо представителей общественности или СМИ о том, что “религиозный экстремизм – это особая конфессия”, которая, правда, теснейшим образом связана с исламом. Причем это утверждение не голословно, оно достаточно аргументировано: переходный период, который переживает большинство мусульманских стран, создает благоприятную почву для роста экстремистских настроений, а тяжелейший экономический кризис обеспечивает необходимым “кадровым ресурсом” разнообразные террористические группировки (более миллиарда мусульман живут в бедных странах третьего мира, а темпы демографического роста там традиционно высоки) [6, с. 62]. Новоявленных шахидов-смертников к самопожертвованиям подталкивает и то, что сегодня нормой является выплата семье “погибшего за веру” значительной финансовой компенсации. Таким образом, потенциальные смертники получают возможность не только попасть в райский сад, но и облегчить мирское существование своих близких. Кроме всего прочего, наличие в исламе постулата джихада также способствует его экстремистским интерпретациям.

Но дабы не быть обвиненным в демонизации ислама, важно упомянуть, что В. Порохова – единственный человек, чей перевод Корана на русский язык признан каноническим, не раз говорила о том, что, если мусульманин прочитает Коран, он террористом не станет. Она разделяет джихад на три составляющие: “Великий джихад” – это когда вы работаете над собой и открываете в себе существование Создателя; “Малый джихад” – умение поделиться этим открытием с тем, кто стоит рядом; “Военный джихад” – возможен, только если есть агрессия со стороны противника. Причем агрессия должна быть только военной. Однако мы видим, что ради достижения определенных политических целей происходит подмена понятий и джихад начинает трактоваться как война против всех неверных, в качестве последних могут выступать и мусульмане, но направлен он, главным образом, против христиан.

Таким образом, объединяющей основой террористических отрядов является не некая разрекламированная организационная общность либо стройная иерархическая структура, у истоков которой стоит всем хорошо известная “Аль-Каида”, а религиозная общность, что обеспечивает их функционирование и завидную живучесть.

Так как различные попытки модернизации учения пророка Муххамеда, начиная с XIX в., со временем показали свою несостоятельность, не принесли ожидаемых результатов, а эксперименты по искусственному привитию достаточно успешных моделей европейского развития в совершенно других цивилизационных условиях вообще обанкротились, то только при условии возвращения к традиционной вере и образу жизни своих предков, возрождения *уммы* времен пророка Муххамеда появляется возможность в скором времени ликвидировать ужасающую нищету и голод. Из всего сказанного следует, что исламский радикализм – это не болезненная реакция “слабых” на агрессию “сильных”, а программа альтернативного развития, во многом непонятная европейскому обывателю в силу преобладания других наборов ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Галкин, А.А.** Глобализация и политические потрясения XXI века / А.А. Галкин // Полис. – 2005. – № 4. – С. 53-70.
2. **Бланшер, Р.** Коран / Р. Бланшер: пер. с фр. И.В. Меркуловой. – М.: Астрель, 2005. – 157 с.

3. Исламский мир и внешняя политика России (Дискуссия) // Международная жизнь. – 2005. – № 5. – С.77-95.
4. **Кулагин, В.** Россия – США. “Кое-что начинает получаться” / В. Кулагин // Международная жизнь. – 2001. – № 12. – С. 10-18.
5. **Полонская, Л.** Современный мусульманский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития / Л. Полонская // Азия и Африка сегодня. – 1994. – №11. – С. 22-29.
6. **Сатановский, Е.** Международный терроризм / Е. Сатановский // Международная жизнь. – 2005. – № 11. – С. 54-69.
7. Советы мудрецов на новый год. Беседа с Е. Примаковым // Международная жизнь. – 2005. – № 1.
8. **Соловьев, А.В.** Глобализация, интеграция и национальная безопасность Российской Федерации / А.В. Соловьев, А.В. Чаевич // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. – 2005. – № 5. – С. 16-31.
9. **Стукало, А.** Глобализация мировой экономики / А. Стукало, Т. Авдеева // Международная жизнь. – 2000. – № 5. – С. 49-56.
10. Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа. (Материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. – 2005. – № 6. – С. 3-37.

Поступила в редакцию 26.09.2006 г.